

Гу Цин невольно усмехнулся: надо же, такая мелочь, как засахаренный боярышник на палочке, — и Его Высочество Наследный принц уже доволен.

Сяо Мин лишь улыбнулся в ответ. Он не у каждого принимал угощения, всё зависело от того, кто их даёт. Если это Гу Цин, то он без колебаний съел бы даже яд.

Вскоре Гу Цин заметил, что, куда бы он ни направился, Сяо Мин следует за ним по пятам. Принц даже переоделся в наряд цвета лунного света, подошёл к нему и остановился, ожидая внимания. Не дождавшись реакции, Сяо Мин слегка кашлянул. Когда Гу Цин поднял глаза, принц начал то и дело поглядывать на свой пояс, обиняками спрашивая:

— Скажи, как тебе мой сегодняшний наряд?

Гу Цин взглянул на него. Одежда цвета лунного света — он такой на Сяо Мине ещё не видел. Она действительно ему шла, делая его облик куда мягче. Глаза Гу Цина невольно загорелись, и он честно ответил:

— Очень хорошо, тебе к лицу.

Глаза Сяо Мина засияли:

— Значит, тебе нравится?

Гу Цин не понимал, к чему этот вопрос, но всё же с улыбкой кивнул:

— Да.

Он и сам предпочитал светлые тона, в то время как Сяо Мин обычно носил тёмные. Если бы Гу Цин присмотрелся внимательнее, то заметил бы, что наряд принца очень похож на его собственный, отличаясь лишь узором.

Сяо Мин едва сдерживал радость, пытаясь унять улыбку, и небрежно бросил:

— Как думаешь, что лучше повесить на пояс: нефритовую подвеску или ароматический мешочек?

— Нефритовую подвеску, — не задумываясь, ответил Гу Цин.

Его нельзя было винить: Сяо Мин с детства не носил ароматических мешочков, поэтому ответ пришёл сам собой.

Лицо Сяо Мина застыло, но он тут же натянул улыбку — вымученную и холодную:

— Занимайся делами, а я схожу к Императору.

— Иди, — ответил Гу Цин, решив, что у того действительно есть дела.

Только вот почему его спина выглядела такой сердитой? Ведь только что так хорошо беседовали. Гу Цин пожал плечами: должно быть, он что-то не так понял. Сяо Мин — человек широкой души, разве может он злиться из-за такой ерунды?

Сяо Мин: ...

Широкой души? Я и не знал, что я такой великодушный.

Сначала Гу Цин был в полнейшем замешательстве, но, когда слуга прошептал ему на ухо правду, он словно очнулся. Оказывается, всё это время принц ломался лишь ради того, чтобы получить тот самый ароматический мешочек!

Вздыхнув, Гу Цин велел слуге принести мешочек. У Сяо Мина был такой странный характер: ничего не скажет прямо, всё любит заставлять других угадывать.

Сяо Мин почти дошёл до выхода, но замедлил шаг, прислушиваясь к шагам позади. На его губах заиграла хитрая улыбка.

— Я знал, что ты... — Сяо Мин резко обернулся и замер: перед ним стоял не Гу Цин, а стражник. Улыбка мгновенно исчезла с лица принца. Он заглянул за спину воина — никого.

Стражник в ужасе рухнул на колени, не смея пошевелиться:

— Ваше Высочество, пощадите! Ваше Высочество, пощадите!

— Вставай.

Стражник задрожал, поднимаясь. Пусть Наследный принц всегда казался мягким и нежным, на деле он был жесток. Стражник имел несчастье видеть, как восьмилетний принц вершил суд над преступниками — от тех методов даже у бывалых воинов стыла кровь в жилах.

— Что случилось? — раздался нетерпеливый голос Сяо Мина.

Охранитель, погружённый в свои мысли, вздрогнул и торопливо доложил:

— Ваше Высочество, прибыл евнух Гао от Его Величества, он ждёт снаружи...

Сяо Мин велел передать Гу Цину, где он, чтобы тот не искал его, и широким шагом направился к выходу. Раз Император вызывает, значит, дело срочное.

Узнав, что Сяо Мина забрал евнух Гао, Гу Цин забеспокоился и, бросив дела, поспешил следом. У входа в покои он встретился с евнухом Гао. О чём шла речь внутри, он не знал, но догадывался — скорее всего, о делах в Цзяннани.

Внутри доносились голоса Императора и Сяо Мина.

— Отец, общаясь с Гу Цинем, я понял, что он обладает острым умом и высокими моральными качествами. Это редкий талант, — искренне произнёс Сяо Мин.

Император усмехнулся:

— Ты так усердно его рекомендуешь, не из личных ли побуждений?

Сяо Мин, не краснея, ответил:

— Я лишь говорю правду. Разве отец не согласен?

Он вернул вопрос Императору, заставив того умолкнуть. Император рассмеялся:

— Посмотри, что ты несёшь! Разве я это имел в виду?

Он, конечно, знал способности Гу Цина — тот рос у него на глазах. Но они оба были ещё слишком молоды, им нужно было обтесаться, прежде чем совершать великие дела. По правде говоря, он не хотел отправлять их так рано. Под его защитой они могли прожить жизнь беззаботно, но он понимал — родившись в императорской семье, они не могут рассчитывать на вечный покой.

Сяо Мин хмыкнул:

— Конечно, я не это имел в виду.

Затем, под взглядом Императора, он подошёл к его рабочему столу, отодвинул бумаги и, не стесняясь, уселся прямо на край стола. Император беспомощно отвёл взгляд. В детстве он часто приносил Сяо Мина в кабинет и сажал на стол, а теперь этот негодник привык так делать. Что поделать — единственный сын, приходится баловать.

Понимая, что сын пытается утешить его, показывая, что всегда будет рядом, Император смотрел на него с внезапным осознанием: ребёнок, который когда-то сидел у него на плечах, действительно вырос. Между ними не было границ, разделяющих правителя и подданного, лишь разговор обычных отца и сына.

Император был доволен сыном как никогда. Он знал цену Гу Цину, но другие — нет. Этот трон слишком холоден, и он не хотел, чтобы они стали такими же, как он, поэтому старался возвысить Гу Цина. Путь героя всегда одинок, но... он сделает всё, чтобы тот не сражался в одиночку, чтобы у него были свои собственные крылья. В конечном итоге, этот мир будет принадлежать им, молодым талантам.

Гу Цин ждал снаружи. Когда Сяо Мин вышел и увидел его, он на мгновение замер, а в глазах вспыхнула радость. Он быстро подошёл к нему:

— Ты пришёл? Долго ждал?

— Нет, я только что.

Гу Цин протянул ему ароматический мешочек:

— Это тебе.

Сяо Мин сначала опешил, а потом расцвёл, крепко сжимая подарок в руке.

— Пойдём! На ужин приготовили всё, что ты любишь!

Гу Цин мог лишь покорно следовать за ним. При Сяо Мине спорить было бесполезно.

Заходящее солнце освещало их фигуры, отбрасывая длинные тени. Смех и перепалки двоих молодых людей...

Вышедший следом Император увидел эту сцену и слегка кивнул, словно давая своё молчаливое одобрение. С того дня их дружба, скреплённая скромным ароматическим мешочком и благословением Императора, стала лишь крепче.

Император смотрел им вслед, и его глаза внезапно покраснели. Стоявший рядом евнух Гао вовремя подал шёлковый платок.

Глядя на это, Гао вспомнил, что, когда Император ещё не был наследником, у него тоже был близкий друг. Но тот навсегда остался на поле боя. Эта рана в сердце Императора никогда не заживала. Будучи рядом с ним долгие годы, евнух Гао знал, что сейчас Император вспомнил того друга. Скоро была годовщина его смерти, и в эти дни сердце государя всегда наполнялось

печалью.

<http://bllate.org/book/20751/2080596>